

Солени Галлагер

СГОРЕТЬ ДОТЛА

2026

Соленн Галлагер Сгореть дотла

<https://litres.ru/74186134>

SelfPub; 2026

Аннотация

В полуразрушенном особняке, ставшем госпиталем на линии фронта, пересекаются судьбы двоих. Тяжелораненый вражеский офицер Гилберт Хилл скрывает свое имя за стеной вынужденного молчания. Медсестра Шанет МакМиллан пытается окружить его заботой, не подозревая, кто скрывается под маской обычного пациента. Но когда война вплотную подступает к стенам госпиталя, Гилберту придется решить: спасти себя или раскрыть истинное лицо, чтобы защитить ту, что подарила ему надежду.

Содержание

ГЛАВА 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сгореть дотла

ГЛАВА 1

Древний двухэтажный особняк посреди густого леса совсем обветшал: краска осыпалась со стен, местами гнили доски, стекла в оконных рамах либо совсем разбиты, либо пошли трещинами. Именно в этом, на первый взгляд, безжизненном месте за нее боролись отчаяннее всего. Еще в начале войны здесь основали госпиталь, куда свозили раненых сначала с ближайших окрестностей, а после, когда линия фронта начала двигаться, начали свозить и с передовой. Однако хоть здесь и спасали людей, это место своим видом не внушало надежды.

Ее здесь сеяли люди.

От голых кирпичных стен отражались и эхом разносились по всем помещениям сдавленные болезненные стоны, негромкие молитвы и тихие песни медсестер, аккуратно перевязывающих раны солдатам. Коек на всех не хватало, поэтому на них размещали лишь тяжелораненных и тех, кому был нужен особый уход. Остальным приходилось ютиться на мягких, - насколько это вообще было возможно сделать их

такowymi, - настилах на полу из матрацев и одеял. Никто не жаловался. Все лучше, чем умирать в окопе или плену.

Медикам было не легче: пациентов много – врачей мало. Почти все медсестры – добровольно пришедшие помогать девушки, которых уже на месте обучили ставить уколы и капельницы, менять повязки, правильно ухаживать за больными, шить раны. За каждой палатой закреплялось по две-три медсестры: так было проще делить обязанности, подменяться, да и в целом следить за больными, чтобы никто случайно не остался без опеки в суматохе. Их белые силуэты то и дело по очереди носились по коридорам, все время неся что-то в руках: то чистые, то окровавленные повязки, лекарства, тазики с водой, носилки с новоприбывшими или с теми, кому лечение уже больше никогда не понадобится. Иной раз было даже непонятно, то ли это пробежал кто-то из врачей, то ли это Смерть снова явилась украсть чью-то жизнь, за которую всю ночь так усердно сражались.

На одной из коек лежал молодой парень, которого привезли вчера. Множество мелких осколочных, несколько глубоких, большая кровопотеря, сломана нога, разбита голова. Нашли его в овраге за лесополосой – упал, оттуда и перелом, и рана на голове. Однако никто не знал, как он там оказался, откуда осколки, и что с ним произошло. Может, бежал из деревни в попытке выжить, может, за ним гнались, может, попал под случайно сброшенный снаряд. Но раз был жив, оставлять было нельзя. Вот и привезли. Осколки вытащили,

крупные раны зашили, наложили повязки и гипс.

Рядом с его койкой крутилась Шанет МакМиллан – молодая медсестра, в палату к которой он попал. Она обрабатывала ему швы и меняла повязки, тихо напевая какую-то незазейливую песню, от чего все в палате лежали тихо, прислушиваясь. Многие медсестры здесь пели, пытаясь хоть как-то разбавить атмосферу и поднять настрой у солдат. Когда девушка почти закончила перевязку, мужчина пришел в себя. Он молча наблюдал, как она завязывает небольшой узелок на бинтах, пока Шанет не заметила на себе его взгляд.

- Очнулся? Сейчас ты в госпитале, – тихо сказала она, мягко улыбнувшись, встретившись с ним взглядом. Ее прикосновение показалось почти человеческим. – Помнишь, что с тобой произошло?

Однако ответа на ее вопрос не последовало.

В этот момент в голове Гилберта мир словно дважды рухнул и восстал из пепла, и он вместе с ним. Он не ответил. Даже не шевельнулся, только смотрел на нее – широко, с той странной отрешенностью, какая бывает у людей, только что вынырнувших из беспамятства. В его серых глазах плескалась растерянность, боль, но еще что-то, что Шанет не сразу сумела распознать. Настороженность. Зверек, попавший в капкан, еще не понимает, что его не собираются добивать.

Ее сердце сжалось.

- Ты в госпитале, - повторила она, чуть медленнее, словно говорила с ребенком или с тем, кто плохо слышит. – Тебя нашли в овраге. Сильно побило осколками, но мы вытащили. Теперь будешь жить.

Она поправила край одеяла, почти по-матерински, стараясь выцепить в его взгляде хоть что-то. Солдаты после ранения часто бывают не в себе: кто-то плачет, кто-то рвется обратно в бой, кто-то бормочет бессвязное. Этот молчал. Молчал так долго, что тишина между ними стала тяжелой, почти осязаемой.

- Ты как? – спросила Шанет, убирая окровавленные бинты в стоящий на стуле рядом с ней таз. – Может, воды? – она взяла с тумбочки стакан, но он едва заметно качнул головой, стоило ей поднести край к его губам. Отказался.

- Как тебя зовут? – робко спросила она, отставляя стакан в сторону.

Снова тишина.

В ее груди зашевелилось нехорошее предчувствие. Повреждение голосовых связок? Контузия? Она видела такое: по-

сле сильных взрывов или повреждений головы солдаты теряли дар речи на недели, а то и навсегда. Кто-то терял слух, но этот вроде слышал. Губы Шанет чуть сжались, но улыбка осталась – та самая, которой она всегда успокаивала тяжелых, и от которой верилось, что станет лучше.

- Ладно, - вздохнула она, перехватывая его взгляд. – Потом поговорим. Главное – ты очнулся. Отдыхай.

Она взяла таз и отошла к соседней койке, но краем глаза все равно следила за ним. Он не закрыл глаза, не провалился обратно в спасительное забытие. Он смотрел в потолок с серыми разводами сырости, потом перевел взгляд на занавешенное окно, на тусклый свет, ползущий по обратной стороне ткани, на фигуры других раненых, на сестер в белых косынках, мелькающих в коридоре.

Шанет видела этот взгляд. Она научилась читать их быстро: кто ищет знакомое лицо, кто – выход, кто – просто точку, за которую можно зацепиться, чтобы не утонуть в боли.

«Контузия... - подумала Шанет, складывая бинты. – Или немой? Такое тоже бывает.»

В палате стало тише. Кто-то застонал во сне, кто-то забормotal молитву. За окном, где-то далеко, глухо ухнуло – весенний лед ломался на реке. Шанет едва заметно вздрогнула.

ла, но не подала виду. Когда она снова подошла к его койке, чтобы поправить подушку, он вдруг шевельнул рукой. Пальцы дрогнули, словно хотели что-то сказать, но замерли, не найдя слов.

- Тихо-тихо, - она осторожно накрыла его ладонь своей, теплой и сухой после многократного мытья с мылом. – Я рядом, - она чуть сжала его пальцы.

Он не отдернул руку. И не сжал в ответ. Просто смотрел на ее пальцы, короткие ногти, въевшуюся в кожу йодную желтизну – и вдруг его взгляд изменился. Стал мягче. В нем мелькнуло что-то похожее на благодарность, или удивление, или что-то еще, чему Шанет не решилась дать имя.

- Я рядом, - повторила она, убирая свою руку. – Если что понадобится – позови. Хотя... - она неловко улыбнулась уголком губ. – Ладно, как-нибудь объяснимся. А вообще... я всегда неподалеку. Так что, даже если не сможешь позвать – замечу.

Она отвернулась, чтобы он не видел, как ее собственное лицо на мгновение омрачилось тревогой. Немой. Или притворяется? Но зачем притворяться? Глупость. Обычно солдаты, едва придя в себя, начинали говорить без умолку – от боли, от страха, от облегчения, что живы.

Этот молчал. Молчал так, словно каждое слово могло стоить ему жизни.

Шанет ушла в другой конец палаты, к тяжелораненому, у которого поднялась температура, и еще долго не возвращалась, но чувствовала на спине его взгляд – спокойный, внимательный, почти изучающий.

А Гилберт лежал, ощущая каждой костью чужую, враждебную речь, чужое небо за треснутыми стеклами, чужую заботу, которая – он понимал это с холодной ясностью – могла обернуться для него гибелью, если правда откроется. Он не знал, сколько времени пролежал без сознания, не знал, что успели узнать о нем. Формы не было – это спасло. Но язык выдаст сразу. Он закрыл глаза и сделал то, чему научился за многие месяцы войны: растворился в тишине. Стал тенью. Ничем. Тем, кого не замечают. Тем, кого не спрашивают. Он позволил себе выдохнуть – медленно, беззвучно, чтобы не привлекать внимания. Боль от ранений была сильной, но где-то глубоко, под слоями разорванной плоти и ушибленных ребер, зарождалось другое, незнакомое чувство.

Она пела, когда перевязывала его.

Никто никогда не пел над ним. В те секунды беспмятства, когда он слышал ее голос, ему даже показалось, что он

умер и это ангел взывает к нему. Он не понимал слов, но мелодия была теплой и тихой, как свет, льющийся сквозь щели занавесок. И он запомнил ее – вопреки всему, вопреки войне, которая учила забывать все, кроме ненависти. Где-то далеко снова ухнуло. Снег за окном начинал таять, и капли с сосулек падали на подоконник, отсчитывая время, которого у них, возможно, было не так уж и много.

Через какое-то время Шанет снова пришла к нему, поставив на тумбочку у койки поднос хлебом, стаканом воды и с плашкой куриного супа, или вернее сказать, бульона в котором едва ли плавали овощи и кусочки мяса. Впрочем, во время войны и это было весьма неплохо. Где-то даже такой скудный обед был непозволительной роскошью, ведь еды всегда было мало, а в таком месте и вовсе каждая крошка была на счету, ведь все ресурсы распределялись очень строго.

- Так, время обеда, - она осторожно помогла ему принять полусидящее положение.

Он с усилием приподнялся с ее помощью, шумно выдохнув от боли. Лицо его покрылось испариной, но он не проронил ни слова – только сжал челюсти так, что желваки заходили под ободранной скулой. Шанет подхватила его под спину и подоткнула подушку, чтобы было удобнее, и только тогда отпустила.

- Не торопись, тебе нельзя резко двигаться. – Негромко сказала она. – Дыши.

Казалось, он уловил посыл в ее интонации и послушно вдохнул и медленно выдохнул сквозь стиснутые зубы, и впервые за все время позволил себе опустить взгляд на поднос. Бульон пах сладко, по-домашнему, и где-то под слоем усталости и онемевшей от боли плоти желудок предательски сжался. Он не ел уже... он не помнил сколько. Шанет придвинула табурет, села рядом, поставив поднос ему на колени. Она не спешила кормить его с ложки, как других – самых слабых. Просто показала глазами на ложку, потом на него. Мол, справишься сам?

Гилберт кивнул – едва заметно, скорее движением век, чем головы. Левая рука, ведущая, была забинтована – задело осколками, но пальцы слушались, хоть и дрожали. Он взял ложку, зачерпнул бульон и поднес ко рту. Половина пролилась обратно в пиалу, заплескав больничную рубашку.

- Ох, - вырвалось у Шанет, и она тут же подхватила тряпицу, промокнула, поправляя влажное пятно. – Давай-ка все же я...

Она не спрашивала разрешения – просто взяла ложку из его ослабевших пальцев, зачерпнула и поднесла к его губам.

«Спокойно, - сказал он себе. – Это нормально. Она просто пытается помочь.»

Он открыл рот, проглотил. Бульон оказался теплым, чуть соленым, с привкусом моркови и какой-то зелени, которой он не знал названия. Вкус был почти забытым – не фронтовой похлебки из концентратов, не галет, размоченных в воде. Домашний. Живой.

- Вкусно? – спросила девушка, улыбнувшись краешком губ. – Повариха у нас знатная, даже из ничего умеет сделать кое-что. Ты не смотри, что он пустой. Завтра, может, и мясо будет, если повезет.

Она не ждала, что он ответит ей. Просто говорила в надежде разрядить атмосферу. Гилберт внимательно прислушивался к ней. Из всех сил пытался уловить суть в тоне ее голоса и в том, как она себя ведет. Он кивнул. Кивок – это безопасно. Кивок – это язык, который понятен везде. Вот только он делает это наугад. А значит, каждый подобного рода «ответ» не так уж и безопасен и тоже несет в себе риск.

Она скормила ему почти все – оставила только кусок хлеба, который завернула в платок и положила рядом с подушкой, на чистое место.

- Доешь потом, сказала она, вытирая ему губы уголком по-

лотенца. – Тихонько, по чуть-чуть. А я сейчас тарелку унесу и вернусь. Хорошо?

Она встала, взяла поднос, но прежде, чем уйти, задержалась на миг, глядя на него сверху вниз. В ее глазах была усталость – та самая, которую он уже научился распознавать на лицах санитарок в полевых госпиталях своей армии, но еще что-то другое. Сожаление? Сострадание? Или простое желание, чтобы этот немой парень, чье имя было записано в карточке, как «Неизвестный №...», выжил?

- Я скоро, - повторила она и вышла.

Гилберт остался один. Сразу же, как только ее шаги затихли в коридоре, он позволил себе закрыть глаза. Все тело ныло от боли. Хлеб лежал рядом, теплый, пахнущий печью. Он не стал его трогать. Почему-то захотелось оставить на потом. Он перевел взгляд на потолок, на паутину в углу, на тень от одного из заколоченных окон, которая ползла по стене все выше, к вечеру. Мысли путались. Боль, слабость, этот странный покой – все смешалось в одну вязкую, тягучую массу, из которой он не мог вычленить ни страха, ни благодарности, ни того, что зарождалось где-то под гипсом и швами, когда она пела, меняя ему повязки, или улыбалась.

«Ты должен выздоравливать», - сказал он себе на языке,

который здесь был смертельным. – *Ты должен уйти отсюда. Ты должен...*»

Он не успел закончить мысль. Шаги – легкие, быстрые – снова слышались в коридоре. Он сомкнул губы, выбросил из лица все, кроме усталости и пустоты. Тень. Он должен быть тенью. Не забывать об этом.

Шанет вернулась не одна. С ней была пожилая медсестра с усталым, морщинистым лицом, которая держала в руках стопку чистых бинтов. Она была второй закрепленной за этой палатой.

- Это тот самый? – спросила женщина суровым, но в то же время по-странному добрым голосом, кивнув на Гилберта.

- Да, - тихо ответила Шанет, коротко кивнув и неловко топчась на месте, как маленькая девочка. – Немой...

- Немой? – переспросила старшая скрипучим голосом, прищурившись. – Контузия, что ли?

- Не знаю... Молчит. Даже когда больно – молчит. – Голос девушки звучал тихо, беспокойно.

Женщина подошла ближе, посмотрела на Гилберта внимательно, цепко, как смотрят на вещь, которую пытаются

определить: опасна или нет.

- Имя есть?

- Ничего не говорит, - повторила Шанет. – Мы записали как «неизвестный».

- Документов?

- Не было. Жетона тоже. В чем нашли – в том и привезли. Формы нет. Может, сбежавший из плена, может местный, шальная пуля настигла.

Старшая медсестра помолчала, потом махнула рукой.

- Ладно. Выживет – разберемся. Не выживет – тем более. Ты за ним смотри. Если что не так – сразу доктору. И швы почаще проверяй, чтобы не загноились, а то его неслабо зацепило.

- Конечно, - кивнула Шанет.

Женщина ушла в другую часть палаты, осматривать остальных пациентов. А Шанет опустилась на табурет между двумя койками, взяла со стопки бинты, начала разматывать.

- Немой... - сказала она тихо, как-то задумчиво. – Ну и ладно. Без языка тоже люди.

Она подняла на него глаза, и в них не было жалости – только твердая, упрямая теплота.

- Ты главное – поправляйся. А говорить – не говорить, это десятое дело. Что-нибудь, да придумаем. – она почти беззаботно улыбнулась. Почти.

Гилберт смотрел на нее: волнистые каштановые волосы были спрятаны под белой косынкой, лишь челка да часть коротких передних прядей падали на лицо, обрамляя. Ее руки двигались быстро, ловко, перебирая бинты, раскладывая их по кучкам: чистые отдельно, те, что пойдут в перевязку, отдельно. Пальцы ее были чуть красноватыми, ногти чуть обломаны, ладони, - он это заметил еще в прошлый раз, - чуть шершавые. Рабочие руки. Руки, которые перевязывали, кормили, поднимали, обтирали, спасали.

Он вдруг поймал себя на том, что смотрит слишком долго, и перевел взгляд в сторону. На угол палаты, где лежал парень без ноги, тихо, беззвучно плакал, уткнувшись лицом в подушку. Война не имела языка. Она была одинакова здесь и там. Кровь, крики, запах гангрены и медицинского спирта, шепот молитв, слезы, которые никто не видит.

Шанет закончила с бинтами, сложила их, поднялась:

- Ты пока отдохни, - сказала она. — Если будет плохо, не переживай, в палате всегда либо я, либо Донна, позже Марта подойдет. Даже если станет плохо, и не сможешь позвать, тебя заметят.

Она ушла, и снова тишина накрыла его, тяжелая, как мокрое одеяло. Но в этой тишине теперь было что-то еще. Словно она оставила после себя не только запах йода и мыла, но и что-то теплое, что держалось в воздухе, не желая остывать. Гилберт закрыл глаза. В ушах все еще звучала мелодия, которую она пела утром. Он не знал слов, но запомнил их — бессознательно, как ребенок, который учится говорить, вслушиваясь в чужую речь. «*Поправляйся*», - сказала она. Он запомнил это слово. И еще несколько других.

«*Немой*», - сказала она про него старой Донне.

Немой.

Он еще не знает, что это значит, но постарается понять.

Он открыл глаза, посмотрел на хлеб, лежащий рядом с подушкой, завернутый в платок, и медленно, с трудом развернул его и поднес ко рту правой рукой. Откусил маленький кусочек, прожевал, проглотил. Хлеб был сладким на

вкус. Странный контраст к его горькой ситуации. Он не знал, сколько еще пробудет здесь. Не знал, что будет, когда встанет на ноги. Не знал, что сделает, если правда откроется.

Н

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.